

Когда Цзян Ехун добрался до дома Чао Шэна, Гу Мэнъи колола дрова. Она с размаху опускала тяжелый топор, и полено с сухим треском разлеталось надвое, после чего она ловким ударом ноги отбрасывала обрубки в общую кучу.

Ехун толкнул калитку и вошел во двор.

— Чао Шэна нет дома?

Мэнъи подняла голову. Окинув гостя холодным взглядом, она негромко ответила:

— Ушел. Скоро вернется.

Договорив, она вернулась к работе. Ехун невольно залюбовался точностью её движений — еще недавно она казалась слабой и изможденной, а сейчас так легко управлялась с неподъемным топором. В этом было что-то странное.

— Госпожа Гу, вы навещали своего дядю, Гу Цзицы? — Ехун подошел ближе. — Он признался в убийстве У Хуэйюнь и Фу Юдао.

Девушка вновь замахнулась.

— В ямэнь никого не пускают. Стража запретила свидания.

— А вы хотите его видеть? Если так, я могу устроить встречу.

Мэнъи, словно потеряв терпение, швырнула топор на землю и, не проронив ни слова, стремительно скрылась в доме. Чжао Чэнь, стоявший поодаль, недоуменно почесал затылок:

— Что это с ней?

— Годы издевательств со стороны матушки У даром не проходят, — вздохнул Ехун. — Было бы странно, будь она нормальной.

В этот момент в воротах показался Чао Шэн с охапкой хвороста за спиной.

— Господин Чу? Вы здесь? — он замер, удивленно вскинув брови. — Слышал, убийцу хозяйки схватили. Неужто правда?

Ехун внимательно посмотрел ему в глаза.

— И ты даже не догадываешься, кто это?

— Последние дни я только и делал, что пропадал в лесу, — Чао Шэн сгрузил дрова. — На обратном пути слышал какие-то толки, но расспрашивать не стал.

Ехун едва заметно усмехнулся.

— Есть у меня к тебе дело. У Юй ведь жил в доме своей тетки?

— Да, господин ловец.

— И часто вы с ним виделись?

Чао Шэн на мгновение задумался, озадаченный вопросом.

— Знаете, теперь, когда вы спросили... Хотя мы и жили в одном дворе, на глаза он попадался редко. У-чжангуй запрещала племяннику выходить, завтрак и ужин оставляли прямо под дверью. Иногда, конечно, он выходил, но бывало так, что мы не видели его по нескольку дней кряду. К этому все привыкли.

— Жить в одном дворе и не выходить из комнаты... Занимательно, — протянул Ехун. — А в игорных домах ты его замечал?

Чао Шэн уверенно качнул головой:

— Нет. Разве что видел пару раз, как он тайком возвращался из города. Видно, сбегал поиграть, пока никто не видел.

— А другие? Кто-нибудь еще видел его в притонах?

— Вряд ли. О том, что У Юй проигрывает деньги, мы узнали от самой хозяйки. Она часто на него жаловалась.

«Значит, со слов У Хуэйюнь», — промелькнуло в голове у Ехуна. Подозрение, которое прежде лишь смутно беспокоило его, внезапно оформилось в четкую догадку.

— Скажи, а по ночам в его комнате горел свет?

— Да, — Чао Шэн попытался вспомнить детали. — Окно светилось. Иногда на бумаге был виден его силуэт — он сидел за столом и читал. Должен сказать, хоть парень и ветреный, а к учебе прилежание имел. Бывало, просиживал над книгами по два часа без продыху.

— По два часа? Сидел неподвижно?

— Именно так!

Ехун резко схватил Чжао Чэня за локоть и потащил за собой, прочь со двора. Старый ловец едва поспевал, едва не спотыкаясь на ровном месте.

— Чу-тоу, да что стряслось?

— Не знаю наверняка, старина. Нужно кое-что проверить.

Они ворвались в дом покойной У Хуэйюнь. Комната У Юя встретила их безупречным порядком. Письменный стол у окна, стопки книг... Ехун принялся методично потрошить шкафы. На самом дне, под ворохом шелков, он обнаружил куртку из грубой ткани — вещь, которая совершенно не вписывалась в гардероб щеголя.

Отшвырнув одежду, Ехун сорвал покрывало с кровати. На матрасе лежали плоские фигуры для театра теней.

Ловец расхохотался, и тяжесть на его сердце мгновенно испарилась.

— Вот оно, Лао Чжао. То, что я искал.

Чжао Чэнь смотрел на плоские марионетки в полном замешательстве.

— Куклы? Как они помогут делу?

Ехун зажег свечу и прикрепил одну из фигур к раме окна. Хотя день был пасмурным, в полумраке комнаты на бумаге отчетливо проступил контур человека, склонившегося над книгой.

— Выйди на улицу и посмотри, — скомандовал он.

Через мгновение Чжао Чэнь вернулся, изумленно качая головой.

— Ну и ну... Будто живой сидит. Но зачем парню такие хитрости?

— Чтобы все думали, будто он дома, — Ехун принялся сворачивать марионетки. — У Юй почти не бывал в этой комнате. И еще... Гу Мэнъи ведет себя крайне странно. Она явно знает об аресте дяди, в то время как Чао Шэн ни сном ни духом.

— Может, просто не хотела говорить? — пожал плечами Чжао Чэнь. — Девчонка натерпелась всякого, вот и замкнулась в себе.

— Возможно. Ладно, пора обедать. А-Жо занемог, мне нужно отнести ему еду. Ты возвращайся в ямэнь, я догоню.

Заметив двусмысленную ухмылку на лице помощника, Ехун нахмурился:

— Что это за взгляды?

Чжао Чэнь, предусмотрительно отступив, поспешил ретироваться, пока не получил по шее.

Ехун зашел в таверну «Чуньюэ».

— Приготовьте ваш лучший куриный бульон. Соли в меру, никакой лишней жирности. Всё должно быть легким, питательным и ни в коем случае не острым. Как будет готово — доставьте по этому адресу.

Он расплатился, не торгуясь. Хозяин заведения расплылся в подобострастной улыбке:

— Не иначе как супруга господина офицера подарила ему наследника? Какое счастье! Женщине после родов нужно восстановить силы, а наш бульон — лучшее средство. Сами знаете, в такое время полезная еда на вес золота. Молока вмиг прибавится, все окрестные матушки только наш суп и берут.

Ехун едва не поперхнулся воздухом.

— С чего ты взял, что я беру это для роженицы?

Трактирщик удивленно моргнул:

— Ну как же... Бульон «Белая птица», без соли, без жира... Его заказывают только для тех, кто в месячном покое после родов пребывает.

— Послушай, любезный, — процедил Ехун, чувствуя, как краснеют уши, — неужели твой суп запрещено пить всем остальным?

— Что вы, что вы! Всем можно. Просто для молодых матерей он полезнее всего...

Ехун поспешил уйти, не дожидаясь продолжения. «Ну и позор», — думал он, шагая по улице.

Путь его лежал мимо кузницы. У наковальни стоял коренастый, прихрамывающий мужчина с пронзительным взглядом.

— Меч или саблю ковать будем? — спросил кузнец, не прерывая работы.

Ехун оглядел мастерскую. Работа была безупречной — тонкая выделка, идеальная балансировка. Он взял в руки один из клинков, примерился к весу и негромко произнес:

— Ни то, ни другое. Мне нужна зонтичная спица.

Кузнец на мгновение замер.

— Зонт? Что за зонт?

Ехун извлек из-за пазухи чертеж «Пламенного зонта».

— Скуй по этому образцу. Только учти — это должно быть оружие, а не безделушка от солнца.

Мастер взял бумагу, мельком глянул на рисунок и хмыкнул:

— Смахивает на «Пламенный зонт» хозяина Храма Хунье Севера.

Ехуна будто кольнули под ребро.

— Просто делай свое дело.

— Сто лянов, — отрезал кузнец.

Ехун выложил деньги на стол.

— Идет. Когда забирать?

— Через семь дней.

— Договорились. Как тебя величать?

— Цюй У. Господин офицер, вы заказываете вещь редкую. Но знаете ли вы, что в поднебесной есть еще один зонт, чья слава затмевает этот?

Ехун остановился у самого выхода.

— Зонт «Красный лист».

Цюй У коротко рассмеялся:

— «Пламенный зонт» — лишь ветвь от истинного древа. Он и вполтину не так могуч, хотя их владельцев и ставят в один ряд.

Ехун обернулся, он упрямо улыбнулся:

— В один ряд? Тут я с тобой не соглашусь. «Красный лист» гремел на весь мир, но его хозяйка...

Цюй У поднял взгляд, затянулся из длинной трубки и выпустил облако дыма.

— Хозяин «Пламенного зонта» — первый мастер поднебесной, чей путь отмечен славой и благородством. Владелица же «Красного листа» тоже была первой, но её звали кровавым демоном в юбке. От её имени содрогались земли. Разница велика, верно? До Цзян Ехуна её наставник Кань Юэфэн не знал большой славы с этим зонтом. А вот его старшая соученица Ао Линьшуан не знала равных. Кань Юэфэну повезло с ученицей — она прославила его школу на всю страну.

Ехун вновь окинул кузнеца взглядом. Могучие плечи, лицо в саже и щетине... Очисти его от копоти — и перед тобой предстанет суровый, волевой воин.

— Много же ты знаешь, — заметил он.

— Я кую сталь, — Цюй У снова взялся за молот, не глядя на гостя. — Знать свое дело — значит знать историю великих клинков. В этом нет секрета.

— Что ж, через неделю приду за заказом.

Рассудив, что обед уже должны были доставить, Ехун прибавил шаг. У самого дома он едва не сшиб с ног посыльного из таверны.

— Простите, господин Чу! Не заметил вас.

— Пустяки, пустяки. Возьми, это тебе, — Ехун щедро вложил в руку парня несколько монет.

Тот расплылся в улыбке, но тут же замялся, бросив опасливый взгляд на дверь:

— Господин ловец... Вы уж не сердчайте. Я ведь не знал, что у вас в доме мужчина. Всё «госпожа» да «госпожа» звал, пока он дверь не открыл. Вид у него был... как бы это сказать... не самый добрый.

Ехун прикрыл глаза рукой. «Ну вот, началось. "Госпожа"... Теперь все соседи об этом судачить будут».

Он помедлил, собираясь с духом, и вошел. Красный петух Дахун, словно только и ждал его, с боевым кличем бросился в атаку. Ехун едва успел отскочить, рука сама легла на рукоять меча.

— Послушай, пернатый! Еще раз так сделаешь — и я из тебя чучело сотворю, клянусь!

Дахун гневно выпятил грудь, явно готовясь к новому наскоку. Решив, что спорить с курицей — ниже его достоинства, Ехун бросился в дом.

Жун Жо уже расставлял посуду. Бледность еще не покинула его лица, но взгляд стал яснее. Ехун тут же отобрал у него тарелки.

— Сядь сейчас же! Кто тебе позволил вставать?

Жун Жо мягко улыбнулся:

— Брат Чу, мне уже лучше. Ты как раз вовремя, всё еще горячее. Кстати, посыльный сказал, что этот бульон...

Он осекся и, опустив голову, едва заметно усмехнулся. Ехун почувствовал, как немеют пальцы, сжимающие палочки для еды.

— Что... что он сказал?

— Да так, — в глазах Жун Жо заплескали веселые искорки. — Глупости всякие. Давай есть.

Ехун тяжело сглотнул. В памяти всплыли слова трактирщика о пользе супа для кормящих матерей. Неужели этот болтун выложил всё А-Жо? Ехуну захотелось провалиться сквозь землю, но любопытство оказалось сильнее стыда.

— И всё же, — выдавил он из себя, — что именно он наплел?